

К.С.Десятков

О МЕРАХ СЕКРЕТНОСТИ И ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИИ ВЕЛИКОГО ПОСОЛЬСТВА 1697-1698 ГГ.

Рассматриваются разнообразные меры секретности и предосторожности, предпринятые русским правительством перед и во время Великого посольства 1697-1698 годов в Западную Европу в контексте влияния данного мероприятия на будущие реформы Петра I в России и основания новой столицы Санкт-Петербурга, и как своеобразный пролог Северной войны.

Ключевые слова: Великое посольство, меры предосторожности, опытно-информационное знание, маршрут, инкогнито, псевдоним, переписка, волонтеры

Первоначально целью Великого посольства 1697-1698 гг. (в дальнейшем — ВП) русским правительством было открыто объявлено укрепление и расширение союза христианских государств против турок, «подтверждение древней дружбы и любви для общих всему христианству дел, к ослаблению врагов креста Господня, султана турецкого и хана крымского и к приращению государей христианских» [1]. Никаких тайных инструкций послам Петр I не давал, да этого и не требовалось, так как царь сам находился в составе посольства. Известна только одна собственноручно написанная им инструкция, касающаяся такой практической задачи, как вербовка опытных специалистов. «К службе морской сыскать капитанов добрых, — говорилось в ней, — которые б сами в матросах бывали и службою дошли до чина, а не по иным причинам поручиков и подпоручиков, а также мастеровых людей: ропшлагеров, машт-макеров и диммакеров, блокмакеров, шлюпмакеров и других с снастями довольными» [2]. Как видно из этой инструкции царя, его интересует в первую очередь военное и корабельное дело. Кроме того, Петр I лично решал многие общие подготовительные вопросы, отдавая приказания и входя во все подробности.

Между тем, по мнению большинства историков, главным инициатором идеи подобного путешествия царя выступил Ф.Лефорт, что отмечали еще современники, который затем формально и возглавил ВП [3]. Но ведь мало выдвинуть саму идею, следует еще придумать соответствующее воплощение, с учетом малейших желаний и прихотей самого молодого Петра I, а также — государственной пользы. И здесь, видимо из долгих обсуждений и бесед царя со своими главными советниками того времени (скорее всего, Лефортом и Гордоном, знающих и Европу и Россию не понаслышке), и родилась очень удачная и перспективная форма подобного мероприятия. А именно: внушительная, разносторонняя и многоцелевая культурно-дипломатическая акция, направленная на реальное знакомство с западной культурой и цивилизацией во всем ее богатстве, прежде всего, опытно-информационного знания. С одной стороны — это было действительно огромное, торжественное и многочисленное посольство самого высокого ранга к европейским дворам, имеющее определенные дипломатические цели, путешествующее по обширному маршруту в традиционно-церемониальной манере. С другой: научно-практическая экспедиция Петра I и его соратников для лучшего ознакомления с западной наукой (в том числе политической, дипломатической и организационной) и найма специалистов-профессионалов из разных областей, главным образом военных и технических. При этом не стоит забывать, что предстояла полная реконструкция вооруженных сил и создание военно-морского флота огромной страны, будущей империи. Для придания официального статуса в штат посольства были включены дипломаты и царедворцы с длинными и роскошными титулами, особенно в сравнении с нелегальным и засекреченным положением самого царя.

В тоже время нельзя не учитывать, что ВП предшествовала тщательная и кропотливая подготовка дипломатических материалов различного характера для столь необычной миссии. В Посольском приказе в срочном порядке подняли документы о сношениях Русского государства почти со всеми европейскими державами. Причем Петр I в конце 1696 года специально распорядился составить справку о дипломатических связях России, с непременным указанием, на какой стадии они были приостановлены [4]. Также заранее подготовили исторические справки для решения особо сложных вопросов, например таких, как титулование правителей других государств. В результате необходимый для посольства дипломатический материал был представлен в письменном виде: от копий статейных списков предыдущих посольств и двух грамот к каждому европейскому двору (аккредитивная и полномочная) до наказа для ВП по прежним образцам. Копии этих документов за время с конца XVI в. заключили в 33 кожаных переплета с шелковыми завязками.

С самого начала предварительного этапа подготовки ВП оказывало влияние на постепенное совершенствование всей сферы русской дипломатической службы: от трансформации внешнего облика русских дипломатов (появление одежд европейского покроя и париков) и видоизменения посольской документации до появления более гибких форм ведения переговоров. При персоне путешествующего царя возникает походная посольская канцелярия, дополненная затем походной типографией с граверной мастерской, которая сопровождала монарха на суше и на море [5]. Все эти нововведения более соответствовали меняющейся эпохе будущего века Просвещения и значительно способствовали не только качественному росту русской

дипломатической службы в целом, но также возросшей эффективности руководства внешней политикой России накануне и во время Северной войны.

Финансовые средства посольства слагались из фондов 2-х типов: 1) основных, назначенных при его отправке из Москвы, которые составили 128380,5 рубля; 2) дополнительных, полученных в ходе пребывания в Голландии — 107 599,46 рублей. Всего: почти 236 тысяч рублей (10-12% всего годового бюджета страны) [6]. В то же время по дипломатическим обычаям тех лет содержание посольства брала на себя та страна, в которую это посольство отправлялось. Причем, транзитный проезд совершался на средства самого посольства, хотя государство, через которое пролегал путь, должно было оказывать всяческое содействие. Так, Голландским Штатам прием ВП обошелся в 200 000 флоринов или 40 000 рублей: пришлось даже ввести новый налог. В целом, если к 236 тыс. рублей добавить выплаченное вперед жалованье, содержание натурой, расходы стольников и суммарные расходы других государств, то получается, что Европе ВП обошлось в сумму, соответствующую четверти годового бюджета России. При этом сама Россия оплатила от половины до 2/3 суммы, а остальное сумела возложить на принимающую сторону.

Итак, Великими послами официальным указом от 6 декабря 1696 г. были назначены следующие лица: генерал и адмирал, наместник Новгородский Франц Яковлевич Лефорту, генерал и «воинский комиссарий», наместник Сибирский Федор Алексеевич Головин и думный дьяк, наместник Болховский Прокопий Богданович Возницин [7]. В свите послов состояло более 200 человек. Только при самом Лефорте находились: 12 «придворных кавалеров», 6 пажей, 4 карла, 20 ливрейных слуг, 5 трубачей, музыканты, проповедник, врачи, хирурги, солдаты. В качестве секретаря — племянник Петр Лефорту. Насколько пышное и богатое облачение полагалось Великим послам свидетельствует «Запись в Казенном приказе указов о выдаче... Ф.Я. Лефорту и Ф.А. Головину тканей»: «...ис персидских четыре бархата золотных по 15-ти рублей, два бархата травчатых большой руки, по осмии рублей, четыре бархата травчатых меньшей руки, по четыре рубли бархат...тритцать косяков камок луданов большой руки, шесть косяков отласов, четыре косяка байберекон китайских большой руки...половина сукна кармазину синего, мерою сорок три аршина с четыю...отласу золотного по алой земле тринацать аршин, по семи рублей аршин...» [8]. Окружение послов являло собой также торжественное и яркое, но одновременно весьма контрастное зрелище: если Лефорту сопровождали привычные обычному западноевропейскому взору иностранцы на русской службе, то свита Ф.А. Головина включала служилых дворян из восточных земель многонациональной России, например, очень колоритную, с луками и стрелами, в своей традиционной одежде группу татар.

Штат Великого посольства наряду с послами и их свитой из дворян предусматривал многочисленный обслуживающий персонал — от переводчиков и лекарей до мастеров-специалистов серебряных и золотых дел и скорняков (только традиционных подарков — мехов — везли на сумму около 70 000 рублей). Священник с дьяконом обеспечивали духовные потребности. Канцелярию посольства представляли 6 подьячих из разных приказов. Даже для охраны всех вещей посольства был назначен специальный сторож. Особую статью составляли волонтеры — лица, лично известные царю по кораблестроению в Переяславле и Воронеже, которые теперь должны были пополнить свои знания в военно-морском ремесле. Однако в отличие от группы «стольников», волонтеры входили в состав посольства (первоначально их насчитывалось 30 человек, позже в отряд вошли еще пять, среди которых находился имеретинский царевич Александр Арчилович) [9]. В результате, вместе с солдатами охраны, численность посольства превышала 250 человек, а его кортеж — 1000 саней. Если добавить сюда 116-120 учеников, посланных отдельно; лиц приехавших позднее (Яков Брюс); лиц, посланных в качестве курьеров (Адам Вейде и купец Ян Любс) или выехавших самостоятельно — и для обучения, и с дипломатическими целями (Б.П.Шереметев со свитой); лиц, «прибывшихся» к посольству и выполнявших определенные функции (доктор П.В.Постников, священник Иоанн Поборский и др.), то получится, что общее число участников Великого посольства насчитывало почти 400 человек [10].

Что касается основного маршрута Великих послов, то в первоначальном Указе от 6 декабря 1696 г. предполагалось посещение цесаря, Англии, Дании, Голландии, Бранденбурга, Рима и Венеции. Однако в дальнейшем в этот предварительный план следования посольства по странам Европы пришлось вносить постоянные коррективы. По разным причинам политического и повседневно-характера менялись не только страны назначения, но и последовательность их посещения. По мнению некоторых современных исследователей, самым важным из них было связано с возобновлением 29 января 1697 г. наступательного союза с Австрией и Венецией против Османской империи сроком на три года, которое удалось достичь дьяку Н.К.Нефимову у кесаря. В результате из Кенигсберга послы направились не напрямую в Вену, а сначала в Голландию и Англию [11]. Следует также учитывать характер путешествия самого Петра I (как некий вариант конспирации), который часто ехал отдельно от Великих послов, не отказывая себе в длительных ночных переездах (он прекрасно спал в санях, даже в сильный мороз) и дневных остановках. Вместе с тем обычная скорость передвижения по суше участников посольства составляла приблизительно 45-50 км (6-7 немецких миль) в день.

Отдельного упоминания заслуживают секретные меры предосторожности, принятые русским правительством перед поездкой посольства в Западную Европу, а также в ходе самого путешествия. Как известно царь находился при Великом посольстве в статусе *incognito*, то есть «частного лица», что позволяло ему находиться в уникальной ситуации — не связанный условностями своего официального ранга и протокола, молодой Петр чувствовал себя и мог действовать гораздо более свободно, постепенно выполняя все тайные и

явные цели путешествия в Европу. Особенно это касалось различных деликатных дел и поручений: от обучения волонтеров до найма специалистов и закупок оружия и техники. С другой стороны, и местные власти получали возможность оказывать ему различные услуги, о которых не могло быть и речи, если бы царь приехал официально [12]. Подобная идея почти полностью себя оправдала (за исключением «рижского» инцидента), тем более что при крайней необходимости позволяла Петру I вести себя уже в качестве московского государя.

В самой столице России было оставлено многочисленное боярское правительство из ближайшего окружения молодого Петра, которые составили лица лично ему преданные, исполнявшие разные функции (Л.К.Нарышкин, Т.Н.Стрешнев, кн. Б.А.Голицын, кн. П.И.Прозоровский, кн. Ф.Ю.Ромодановский и др.). В частности к последнему из них, Петр, в своей переписке, обращался как к коронованной особе. Получалось, что официально царь оставался в Москве, традиционно не покидая пределов страны, поэтому вся документация поступала на его имя и исходила от его имени, в том числе и донесения Великих послов. В то же время вся частная переписка на выходе из России подлежала тщательной проверке, вскрытию и перлюстрации в Преображенском приказе и, если обнаруживалась какая-либо секретная информация — её уничтожали. Хотя изначально было понятно, что избежать сохранения полного «инкогнито» Петра I просто невозможно, учитывая распространение слухов и действия послов, агентов и журналистов в Западной Европе. В конце концов, это признали даже инициаторы путешествия, в частности Ф.Лефорт [13]. Что касается псевдонимов царя, то они были очень многочисленны и в течение самой поездки неоднократно изменялись. Главным являлся «Петр Михайлов», а кроме него только при переписке использовались 9 подставных «лиц» русского монарха, не считая обыденных, связанных в основном с ситуативным рядом: например в Бранденбурге на приемах он мог выдавать себя за «царевича Имеретинского» или «сибирского принца», а на голландских и британских верфях к нему обращались «десятник», «Питер-бас», «командор» и другие. Вместе с тем, следуя примеру государя, и остальные волонтеры, особенно те, кто происходил из родовой аристократии, были замаскированы под различными псевдонимами, причем это касалось как стольников, ездивших в Европу самостоятельно, так и молодых дворян из состава Великого посольства. В большинстве случаев имена оставались те же, а фамилиями становились корни отчества. В результате, Борис Иванович Куракин превратился в Бориса Иванова, Дмитрий Михайлович Голицын в Дмитрия Михайлова, а Григорий Федорович Долгорукий — в Григория Федорова. Причины такой маскировки также вполне объяснимы: во первых, скрыть массовую (более сотни человек) акцию обучения за рубежом воинскому искусству и разным профессиям молодых представителей высшей аристократии России; во-вторых, гарантировать лояльность по отношению к царю их отцов, оставшихся на родине, при малейшем подозрении последних. При этом не стоит забывать, что дело по заговору Цыклера-Соковнина продолжалось почти до самого отъезда Петра I за границу.

Наиболее секретная часть переписки проходила через Виниуса, причем велась симпатическими чернилами. Текст проявлялся лишь в случае, если его смазывали определенным составом. Невинная условная фраза давала знать адресату о тайном характере письма. Тайнописью владел только Виниус. В результате только он получал секретную информацию, что иногда вызывало определенные проблемы в его взаимоотношениях с другими вельможами. Любопытно, что в Амстердаме посольством предпринимались определенные шаги для получения состава симпатических чернил. Так, вскоре по приезде было выдано 10 золотых и пара соболей «иноземцу Францу фон Богарту, которой умеет составлять водки, что пишут тайно». И через два месяца еще 6 золотых за то, «что он тайной питательной водки состав показал». Из Посольского приказа периодически приходили секретные бумаги, написанные «цифирью», то есть шифром. Расшифровкой обычно ведал Ф.А.Головин.

Таким образом, благодаря тщательной и продуманной организации такого грандиозного и масштабного мероприятия как Великое посольство кардинальных мер секретности и предосторожности (помимо традиционных и связанных с особой царя) предпринимать почти не пришлось. Перед нами разворачивается настоящий триумф дипломатического спектакля, организованного Петром I по сценарию его главных на то время наставников Ф.Лефорта и П.Гордона. Вояж московского царя и его результаты обычно рассматривались в европейских странах того времени в русле традиционного восприятия России как «отсталой» и «варварской» Московии, а само путешествие Петра I со спутниками как очередной вариант азиатского посольского каравана. Поэтому глубинную сущность удач и приобретений Великого посольства смогли тогда оценить очень немногие из европейцев. Для большинства это являлось не более чем курьезом, платой обиженному «бедному», «необразованному», но дальнему родственнику или «восточной» диковиной. За подобную недооценку именно им самим и их потомкам и пришлось расплачиваться в будущем. У кого-то пострадали коммерческие доходы и перспективы, а кто-то потерпел грандиозную политико-дипломатическую и геополитическую катастрофу.

1. Богословский М.М. Петр Великий и его реформа. М., 1920. С. 38.
2. Письма и бумаги императора Петра Великого (ПБП). СПб., 1887. Т. 1. № 140.
3. Корб И. Главные события из быта москвитян // Рождение империи. М., 1997. С. 233.
4. Преображенский А.А. Великое посольство 1697-1698 гг.: старое и новое в русской дипломатии // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 119.
5. Там же. С. 119, 121.
6. Бакланова Н. Великое посольство за границей в 1697-1698 гг.: Его жизнь и быт по приходно-расходным книгам посольства // Петр Великий. М.; Л., 1947. С. 7-12, 58.

7. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. М., 1867 Т.VIII. Стлб. 505-506.
8. Лефортов Ф. Сборник материалов и документов / Сост. Т.А.Лаптева, Т.Б.Соловьева. М., 2006. С. 202-203.
9. Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 60.
10. Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое посольство. СПб., 2003. С. 39-40.
11. История дипломатии. М., 1959. Т. 1. С. 336.
12. Гузевич Д.Ю. Указ. соч... С. 206.
13. Бабкин А. Письма Франца и Петра Лефортов о «Великом Посольстве» // Вопросы истории. 1976. № 4. С. 125-127.
14. ПБП...Т.1. № 246. С. 258-261, 646-657; Бакланова Н.А. Указ. соч. С. 16, 31, 51; Лавров А. «Царь без сомнения находится тут»: Великое посольство в Кенигсберге по донесениям ганноверского резидента И.В.Хойша: 1697 // Исторический архив. 1998. № 1. С. 199, 205.
15. Цит. по: Бакланова Н.А. Указ.соч. С. 19.

References

1. Bogoslovskiy M.M. Petr Velikiy i ego reforma. M., 1920. S. 38.
2. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo (PBP). SPb., 1887. T. 1. № 140.
3. Korb I. Glavnye sobytiya iz byta moskvityan // Rozhdenie imperii. M., 1997. S. 233.
4. Preobrazhenskiy A.A. Velikoe posol'stvo 1697-1698 gg.: staroe i novoe v russkoy diplomatii // Voprosy istorii. 1999. № 2. S. 119.
5. Tam zhe. S. 119, 121.
6. Baklanova N. Velikoe posol'stvo za granitsej v 1697-1698 gg.: Ego zhizn' i byt po prikhodno-raskhodnym knigam posol'stva // Petr Velikiy. M.; L., 1947. S. 7-12, 58.
7. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy drevney Rossii s derzhavami inostrannymi. M., 1867 Т.VIII. Стлб. 505-506.
8. Lefortov F. Sbornik materialov i dokumentov / Sost. T.A.Lapteva, T.B.Solov'eva. M., 2006. S. 202-203.
9. Pavlenko N.I. Petr Velikiy. M., 1990. S. 60.
10. Guzevich D.Yu., Guzevich I.D. Velikoe posol'stvo. SPb., 2003. S. 39-40.
11. Istoriya diplomatii. M., 1959. T. 1. S. 336.
12. Guzevich D.Yu. Ukaz. soch... S. 206.
13. Babkin A. Pis'ma Frantsa i Petra Lefortov o «Velikom Posol'stve» // Voprosy istorii. 1976. № 4. S. 125-127.
14. PBP...Т.1. № 246. S. 258-261, 646-657; Baklanova N.A. Ukaz. soch. S. 16, 31, 51; Lavrov A. «Tsar' bez somneniya nakhoditsya tut»: Velikoe posol'stvo v Kenigsberge po doneseniyam gannoverskogo rezidenta I.V.Khoysa: 1697 // Istoricheskiy arkhiv. 1998. № 1. S. 199, 205.
15. Tsit. po: Baklanova N.A. Ukaz.soch. S. 19.

Desyatskov K.S. On measures of secrecy and precautions before and during the Great Embassy (1697-1698). In this article we look at different measures of secrecy and precautions taken by the Russian government before and during the Great Embassy (1697-1698) in Western Europe in the context of the impact of this event on the reforms of Peter I of Russia and the foundation of the new capital of St. Petersburg, and also as a prologue to the Great Northern War.

Keywords: The Great Embassy, safety measures, development of information knowledge, route, incognito, alias, correspondence, volunteers.

Сведения об авторе. К.С.Десятков — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры всеобщей истории; Гуманитарный институт Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого; des-con@yandex.ru

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.12.2015.